

УДК 82. 97

UDC 82. 97

ИДЕЯ МИЛОСТИ В ПАТРИСТИКЕ И ДУХОВНОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА (ИОАНН ЗЛАТОУСТ И ВЕНИАМИН БЛАЖЕННЫЙ)**THE IDEA OF CHARITY IN PATRISTIC LITERATURE AND SPIRITUAL POETRY OF THE XX CENTURY (IOAN ZLATOUST AND VENIAMIN BLAZENIY)**

Татарина Людмила Николаевна
д.ф.н., проф.
Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия

Tatarinova Lyudmila Nikolaevna
Dr.Sci.Philol., professor
Kuban State University, Krasnodar, Russia

В статье рассматриваются истоки современной духовной поэзии на примере реализации одного ключевого мотива христианской литературы - сострадания и милосердия. В средневековой традиции (И.Златоуст) мы находим акцентирование моральных аспектов; в современной духовной поэзии (В.Блаженный) - преобладает эмоция (любовь и жалость ко всему живому)

The article considers the sources of modern spiritual poetry on the example of one key motive - charity and compassion. In medieval tradition (Ioan Zlatoust) we find accentuation of moral aspects; in modern spiritual poetry (Veniamin Blazeny) the emotion of love to the whole world predominates

Ключевые слова: МИЛОСЕРДИЕ, СОСТРАДАНИЕ, ПРОПОВЕДЬ, ЛИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛО, ПОЭТИЧЕСКИЙ КОСМИЗМ

Keywords: CHARITY, COMPASSION, SERMON, LYRICISM, POETICAL COSMISM

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут
(Матф., 5: 7)

Основа христианства - любовь, поэтому милосердие – ключевая добродетель, заповеданная Богом человеку. «Милости хочу, а не жертвы» [Ос. У1, 6] - говорит Господь древним иудеям. В произведениях христианских мыслителей, уже начиная с первых веков и до наших дней, данная тема становится лейтмотивом многих сочинений. Однако, пожалуй, ни у кого она не представлена столь объемно и ярко, как у представителя святоотеческой литературы четвертого века Архиепископа Константинопольского Иоанна Златоустого.

Опираясь на Евангелия, Златоуст дает нам целое учение о милостыне и милосердии. Прежде всего, великий христианский проповедник везде подчеркивает, что милостыня нужна самому подающему, она не просто освобождает от грехов, она *исправляет самого человека, делает его*

лучше. Наряду с крещением она очищает человека. В «Беседах на Евангелие Св. Ап. Иоанна Богослова» Златоуст называет милостыню «лекарством, которое можно прилагать ко всем ранам» [3, с. 547]. «Милостыня лучше поста и лежания на земле... она просвещает душу, утучняет ее и делает благообразною и прекрасною.... Кто старается быть милосердным к нуждающемуся, тот скоро отстанет и от любостяжания. Кто постоянно подает бедным, тот легко и от гнева отстанет, и никогда не будет высоко думать о себе» [3, с. 547]. Человек, который взирает на страдающих, по мысли Златоуста, учится философствовать, постигать человеческую природу и не ценить богатство, которое вмиг может исчезнуть. Таким образом, милостыня выполняет воспитательную функцию.

Милостыня может помочь не только живым, но и умершим. «Если же ты хочешь оказать соболезнование умершему, - я укажу тебе иной способ погребения, - пишет подвижник в тех же «Беседах», - и научу тебя облекать их в такие одежды, которые восстанут с ним и представят его в блистательном виде. Эти одежды ни молью не истребляются, ни временем не разрушаются, ни ворами не похищаются. Какие же это одежды? Это - одеяние милостыни» [3, с. 582]. Златоуст призывает погребать умерших так, чтобы это «было полезно и им и нам». «Будем же раздавать за них обильную милостыню» [3, с. 583]. Таким образом, одев умершего, мы оденем самого Христа!

Раздача милостыни, по мнению Иоанна Златоуста, есть проявление мудрости: мы здесь, на земле, странники, и нам нужно правильно распорядиться земными благами, не зарывать в землю таланты (т.е. не копить), а раздавать деньги. В проповеди «На притчу о десяти девах, и о милостыне», произнесенную на Великую Среду, Златоуст рассматривает юродивых дев как глупых (хотя и девственниц), а глупость их заключалась в том, что они не подавали бедным (что отражено в символике пустых

лампад). Масло (елей) - это сострадание и доброта. «Тело их было непорочно, но душа немилостива» [3, с.664]. Мудрые же девы понимали, что «вера без дел мертва», они наполнили сосуды елеем. «Какие сосуды? Утробы голодных. Посредниками духовного брака они сделали бедных, снарядились в дорогу при помощи своего милосердия. Голодные питались, и светильники просветлялись» [3, с. 662]. Проповедь заканчивается прямым обращением к верующим: «Итак, умоляю вас, будем ставить любовь к бедным выше всего, не будем щадить денег для бедных» [3, с.664]. «Расточай свое имение теперь, чтобы оправдаться на Суде» [3, с.664].

Милостыня есть проявление сострадания, поэтому важно, с каким чувством она дается. Людям не жалко отдавать деньги на развлечения, расточать их на блудниц. «Любовница не обещает любовнику ничего доброго, но - бесчестие, стыд и поношение.... Бог же обещает нам небо и небесные блага... для любовницы многие проводят ночи без сна и, чтобы она не приказала, исполняют с усердием... для Бога же или, лучше сказать, для самих себя мы не хотим истратить и третьей части нашего имущества. Видя алчущего, мы отвращаем от него взор; проходим мимо нагого и не достаиваем его даже слова....Хотя бы ты дал овол, хотя бы хлеба, хотя бы чашу холодной воды, - за все будет тебе великая благодарность и ничто не заставит тебя огорчаться и печалиться» [3, с. 534 – 535].

Нельзя подавать из нечестно добытого, похищенного. Милостыня должна чиста. Жертва от хищения - мерзость перед Богом. «Удержи руки от лихоимства - и тогда простирай их на милостыню. Если же мы одними и теми же руками одних будем обнажать, а других одевать ... в этом случае не избежим наказания... Лучше не оказывать милосердие, чем оказывать такое милосердие» [3, с. 491].

Милостыню нужно подавать тайно, «не трубя перед собой», иначе она будет бесполезна, будет проявлением гордыни. «Господь сразу же

подавляет и сопутствующее милостыне тщеславие. Как именно? *Внемлите милостыни вашае не творити пред человеки, да видимы будете ими* (Мф. У1, 1)... в противном случае вы не получите награды. Подаяние милостыни на показ уничтожает награду, и тот, кто поступает так, лишает себя будущей благодати. Никакая другая страсть не вредна так душе, как страсть тщеславия. Ведь этим недугом человек заражается именно тогда, когда он сделал уже большие успехи в исполнении заповедей» [3, с.719 – 720]. Милостыню надо подавать ради Бога, а не ради временной славы, - считает Златоуст.

Милостыня есть прославление Бога. В «Слове на Новый год» Иоанн Златоуст говорит о том, что надо делать во славу Божию, даже самые простые вещи, например, есть и пить. «Но как можно, скажешь ты, есть и пить во славу Божию? Призови бедного, участником твоей трапезы сделай Христа; и таким образом ты ел и пил во славу Божию» [2, с. 771].

Из всего этого вытекает духовный смысл милосердия и доброты.

Таким образом, великий подвижник первых веков христианства не просто призывает своих слушателей быть милосердными (обращается к их чувствам), но и обосновывает необходимость этого, т.е. взывает к их разуму.

Если мы обратимся к современной поэзии, то, пожалуй, не найдем более страстного защитника сострадания и милости, чем Вениамин Блаженный (1921 - 1999). В этом смысле его можно назвать *Златоустом XX века*. Но художественная литература имеет свои законы: в стихах Блаженного нет открытого дидактизма, характерного для жанра проповеди, нет прямого обращения к слушателям с призывами, которые мы встречаем в речах Иоанна Златоуста.

Каковы же пути реализации идеи милости у Блаженного? Для этого откроем самую главную книгу его стихов «Сораспяты» (1995), изданную незадолго до его смерти. Первое, что сразу бросается в глаза - жалость

поэта приобретает глобальные масштабы: она распространяется на весь мир, и, прежде всего, на самых беззащитных - бездомных животных, раненых птиц, бесчисленных насекомых. Эту особенность поэта можно обозначить как *поэтический космизм* -

Господь, пожалей не меня, а котенка,
 А я побреду вслед за ним
 Приникнуть к твоим милосердным истокам,
 Защитою Божьей храним.
 Котенок глаза расширяет от страха -
 Над ним пресвятой ореол,
 Как будто он не был лишь горсточкой праха,
 А небо в награду обрел.
 А я зажигаюсь слезой в ореоле,
 Пою славословье Христу
 И больше не чувствую, мученик, боли, -
 Я тоже обрел высоту... [1, с. 213].

Для поэта важно все незаметное, слабое, нуждающееся в помощи. Он демонстрирует евангельскую нищету духа. Смерть, столь страшная для человека, для убогих и гонимых будет радостью, их встретит милосердие Божие, не знающее границ -

Только миг мы живем не земле этой странной,
 Даже тот, кто ютится в лачуге заброшенной,
 Уплывает однажды в далекие страны
 И качается в лодке один-одинешенек.
 Эта лодка сколочена наспех и грубо,
 Шесть досок да покраска - и все тут изделие,
 Но ее не страшат океанские глубины
 И причалит она за далекими землями.
 И Господь - он окликнет ее на причале:

- Кто там в лодке лежит в беспробудном унынии?..
 Отрешись, мой дружок, от загробной печали
 И вдохни милосердное, вечное, синее...
 Милосердие звезд, милосердие полночи,
 Милосердие плеска волны убывающей,
 Милосердие птицы, почти что беспомощной,
 В беспредельную синюю даль улетающей... [1, с. 347].

У Вениамина Блаженного милосердие исходит не только всемогущий Господь, но и весь мир, вернее, все смиренное в этом мире (птица, волна, полночь). По Блаженному, именно сострадание ведет к бессмертию -

Я однажды уйду в долгожданный покой,
 В пресвятую обитель погоста,
 Где Господь меня тронет своею рукой, -
 Долгожданного мертвого гостя.
 Где Господь меня тронет рукой неспроста:
 Я радел обо всех без изъятья,
 В каждой божеской твари я видел Христа -
 И страданье его, и распятье...
 Я не стану заранее тревожить судьбу
 И гадать о грядущем заранее,
 Но я знаю, что буду я жить и в гробу,
 Что бессмертно мое состраданье... [1, с. 364].

Милосердие и сострадание - самые великие из всех чувств, которые позволяют пребывать в вечности. Лирический герой книги «Сораспятье» не рассказывает о милосердии, не призывает к нему, а *сам проявляет чувство милости, причем, не только к живому, но даже и к вещам* -

Беспризорные вещи умерших людей,

Те, что пахнут, как пылью, тоской,
Попадают к старьевщику или в музей,
Иль на свалке гниют городской...
Беспризорные вещи, что помнят живых,
Их движенья, привычки, тела...
Сколько время им ран нанесло ножевых -
И прикончило из-за угла!..
Беспризорный халат, непризорный жилет,
На краю одиноком стола
Беспризорная трубка - и пыль на столе,
И - щепоткою - пепел, зола...
Беспризорные вещи, как вестники бед.
Их молчание, их серизна...
Что-то грозное есть в их бездомной судьбе,
Что-то вешее, ждущее нас.
Мы ведь тоже - забытые кем-то в мирах
Одряхлевшие веи тоски,
И лохмотья, и ветошь, и смута, и прах,
Даже сердце разбито в куски... [1, с. 254 – 255].

На самом деле это стихотворение, конечно же, не о вещах и даже не об умерших людях, а о самой смерти, которая ждет каждого из нас. *Каждый достоин жалости просто потому, что он умрет!* Так в поэзии Блаженного происходит глобализация эмоции, расширение ее до космических масштабов. Поэт говорит о законах бытия, о всеобщем, соединяя лирическое, философское и религиозное в единое целое. В стихах Вениамина Блаженного складывается особая диалектика малого и великого: как правило, он начинает всегда с конкретного, единичного, а заканчивает чем-то всеобщим. Так, стихотворение «Сны» сообщает о том,

что приснилось герою - лошадь, ворон..., а потом ему уже снится Бог - «Но то, что было Богом, -

Шумело ливнем, пряталось травой...». Одно из стихотворений начинается описанием кошки - «Вот и вышла из смерти неслышно монашенка-кошка...», последняя строфа звучит так:

Ибо слово мое полыхало в устах, как зарница,
Ибо слово мое было словом о Боге и вере -
И поэтому слово крылатое видела птица,
И поэтому слову внимали доверчиво звери [1, 194].

То есть, поднимается вопрос о призвании и о поэзии, которая возникла из чувства сострадания и поэтому она настоящая. Блаженный в полной мере представил образ, часто возникающий в духовной литературе, *образ милующего сердца*, ведь ценность милостыни не в самом факте помощи кому-либо, а в настрое подающего, потому что с религиозной точки зрения только духовные вещи имеют смысл.

Жалость поэта распространяется на всех умерших, особенно на родителей. В стихотворении, которое начинается словами «Ну что тебе стоит вернуться сегодня на землю...», усопший отец назван «великим убогим», «великим нищим» -

Он так проходил по земле, словно Бог ему душу
Засунул в карман, а карман у бродяги дырявый,
И он прижимал к себе душу, как голубя в стужу,
И он на груди согревал ее мукой кровавой. [1, с.43]

Неожиданные пронзительные образы! Они заставляют вспомнить о поэтике поэтической прозы другого великого русского писателя Андрея Платонова: у совсем простых, обыкновенных людей самая ранимая страдающая душа. Это страдание передается у Блаженного образом беззащитного голубя, образом холода и согревающей «кровавой муки». Без христианства эти образы были бы невозможны. В христианстве

возникло новое отношение к плачу, слезам. В эпоху эллинизма слезы считались лишь негативной эмоцией, которая должна была преодолеваться радостью бытия, что характерно в целом для языческого мировосприятия. Иное отношение к страданию формируется в первые века новой эры: «плач по Богу» - возвышенное состояние души; плач о своих грехах и о несовершенстве мира - это путь к спасению души.

Страдание живых существ у Вениамина Блаженного напоминает искупительную жертву -

Они глядят так долго, долго, долго,
Что перед ними как бы наяву,
Рябит слеза огромная, как Волга,
Слеза зверей... И в ней они плывут.
Они плывут и обоняют запах
Недоброй тины. Круче водоверть-
И столько боли в этих чутких лапах,
Что хочется потрогать ими смерть.
Потрогать так, как трогают колени,
А может и лизнуть ее тайком
В каком-то безнадежном исступленьи
Горячим и шершавым языком...
Слеза зверей, огромная, как Волга,
Утопит смерть... [1, с. 46]

Таким образом, мы снова убеждаемся в том, что путь к бессмертию, по Вениамину Блаженному, лежит через слезы, через страдание, а, значит, и через сострадание. *Идея бессмертия и милости оказываются неразрывно связанными друг с другом.*

Жалость поэта распространяется на всех умерших, особенно на родителей. В стихотворении, которое начинается словами «Ну что тебе

стоит вернуться сегодня на землю...», усопший отец назван «великим убогим», «великим нищим» -

Он так проходил по земле, словно Бог ему душу

Засунул в карман, а карман у бродяги дырявый,

И он прижимал к себе душу, как голубя в стужу,

И он на груди согревал ее мукой кровавой. [1, с.43]

В христианстве возникло новое отношение к плачу, слезам. В эпоху эллинизма слезы считались лишь негативной эмоцией, которая должна была преодолеваться радостью бытия, что характерно в целом для языческого мировосприятия. Иное отношение к страданию формируется в первые века новой эры: «плач по Богу» - возвышенное состояние души; плач о своих грехах и о несовершенстве мира - это путь к спасению души.

Таким образом, мы снова убеждаемся в том, что путь к бессмертию, по Вениамину Блаженному, лежит через слезы, через страдание, а, значит, и через сострадание. *Идея бессмертия и милости оказываются неразрывно связанными друг с другом.*

Бог есть любовь, Бог есть милость. Это - то новое, что принесло с собой христианство. До него разные религии по-разному представляли Бога, но в основном, Он был Судией и Вседержителем; Бога, страдающего за людей, явившегося на землю в образе человека невозможно было себе представить. Это открытие дало колоссальный толчок человеческой мысли, а также искусству и поэзии, что мы и попытались показать на примере двух авторов, каждый из которых по-своему выразил эту идею: в проповедях Иоанна Златоуста преобладают моральные аспекты, речь идет о спасении души, о воспитании человека; в поэзии Блаженного - эта тема находит эмоциональное решение. Вениамин Блаженный, без всяких сомнений, крупнейший лирик двадцатого столетия; будучи евреем по рождению, он, пожалуй, как никто другой, сумел поэтически воплотить

одно из важнейших свойств *русской* души - доброту и способность к состраданию.

Список литературы

1. Блаженный, Вениамин. Сораспятие. М.: Время, 2009. 413 с.
2. Златоуст, Иоанн. Творения. Т. 1. Книга вторая. М.: Православная книга, 1991. 550 с.
3. Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого Избранные творения. Книга вторая. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. 987 с.

References

1. Blazhenyj, Veniamin. Soraspjat'e. M.: Vremja, 2009. 413 s.
2. Zlatoust, Ioann. Tvorenija. T. 1. Kniga vtoraja. M.: Pravoslavnaja kniga, 1991. 550 s.
3. Izhe vo svjatyh otca nashego Ioanna Zlatoustogo Izbrannye tvorenija. Kniga vtoraja. Besedy na Evangelie ot Ioanna Bogoslova M.: Izdatel'skij otdel Moskovskogo Patriarhata, 1993. 987 s.